

ческую схоластическую науку и ту иезуитскую школу, въ которой Стефанъ Яворскій получилъ свое первое образованіе; указываетъ отличительныя черты второй воспитательницы Стефана—школы Кіево-могилянскои и наконецъ изображаетъ ту религіозную и общественную среду, въ какой выпало на долю дѣйствовать Стефану въ Москвѣ, въ качествѣ митрополита и мѣстоблюстителя патріаршаго престола.—Второй отдѣлъ первой главы даетъ полную характеристику Стефана, какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля, и съ умственной и съ нравственной стороны.—

Вторая глава имѣетъ своимъ предметомъ „Камень вѣры“. Здѣсь, въ трехъ параграфахъ перваго отдѣла главы, авторъ обстоятельно изслѣдуетъ „Камень вѣры“ какъ литературное произведеніе, независимо отъ его содержанія по существу, а именно: опредѣляетъ источники, изъ которыхъ Стефанъ почерпалъ матеріалъ для своего произведенія; выясняетъ его задачу; подробно налагаетъ его планъ и методъ изслѣдованія; характеризуетъ его научныя приемы и даетъ общую оцѣнку его значенія какъ произведенія ученаго и какъ труда, долженствовавшего имѣть широкое распространеніе въ обществѣ.—Послѣдній отдѣлъ второй главы посвященъ изложенію и анализу богословскихъ воззрѣній Стефана Яворскаго, насколько они выразились въ его произведеніи, т. е. рассматриваетъ самое содержаніе „Камня вѣры“ по его существу. При этомъ разсмотрѣніи авторъ опредѣляетъ историческое значеніе „Камня вѣры“ въ ряду богословскихъ произведеній того времени, даетъ общую характеристику Стефана, какъ богослова, и указываетъ въ его богословскихъ воззрѣніяхъ слѣды тѣхъ вліяній, подъ которыми онъ воспитался, и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ дѣйствовалъ.—

Глава 3-я посвящена изслѣдованію вопроса о значеніи „Камня вѣры“, при чемъ въ двухъ параграфахъ перваго отдѣла рѣчь идетъ о его значеніи для своего времени, а во второмъ отдѣлѣ—о значеніи его для позднѣйшей и современной полемики съ протестантствомъ. Раскрывая значеніе „Камня вѣры“ для его современниковъ, авторъ подробно излагаетъ и ту литературную борьбу, которая была вызвана „Камнемъ вѣры“, а въ послѣднемъ отдѣлѣ опредѣляетъ отношеніе этого произведенія къ позднѣйшимъ

богословскимъ трудамъ, оканчивая системами Преев. Макарія, Иннокентія и Сильвестра.—

Наиболѣе слабыми слѣдуетъ признать первые параграфы первой главы сочиненія. Данныя авторомъ характеристики римско-католической схоластической науки и школъ иезуитской и Кіево-могилянской слабы и не полны. Читатель при этомъ остается неудовлетвореннымъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Авторъ ставитъ напр. вопросъ: что такое схоластика? Но этотъ вопросъ такъ и остается безъ отвѣта, ибо дальнѣйшія рѣчи автора объ этомъ предметѣ сущности схоластики не опредѣляютъ и не исчерпываютъ (стр. 14-я и дал.). Остается невыясненною и связь схоластики съ папствомъ; эта связь только утверждается, но нисколько не раскрывается (стр. 18 и 19).—

Представляется нѣсколько неразработаннымъ и послѣдній отдѣлъ сочиненія, гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніи „Камня вѣры“ къ богословской наукѣ XIX-го столѣтія. Основная мысль этого отдѣла ясна и даже, можно сказать, достаточно доказана; но авторъ не раскрылъ ее съ должною полнотою, представивъ какъ-бы только матеріалъ для ея обоснованія.—

Встрѣчаются въ сочиненіи нѣкоторыя мелкія неточности и ошибки, когда авторъ утверждаетъ напр; что въ римско-католическомъ ученіи нѣтъ системы (стр. 33); говорить, что будто-бы католики эпитиміи называютъ удовлетвореніями (стр. 29-я), называетъ Зонару историкомъ (стр. 136), или Θεодора Чтеца—Θеодоромъ Читателемъ (стр. 155) —

Но эти мелкіе недостатки совершенно заслоняются весьма крупными достоинствами сочиненія, а именно:

1) Авторъ весьма усердно поработалъ надъ своимъ сочиненіемъ. Онъ тщательно собралъ и изучилъ литературу своего предмета, внимательно познакомившись какъ съ тѣми статьями и очерками, весьма впрочемъ скудными, которые имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ предмету его изслѣдованія, такъ и съ тѣми, которые лишь освѣщаютъ тѣ или другія явленія эпохи, когда жилъ и писалъ м. Стефанъ. „Камень вѣры“ авторъ изучилъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ, какого это произведеніе, насколько можно судить по очеркамъ и статьямъ о немъ, ни разу еще ни отъ кого не удостоивалось. Не довольствуясь этими источниками и пособиями, авторъ обратился къ матеріалу руко-

писному и потрудился напр. надъ противоположными бесѣдамъ Симеона Полоцкаго и надъ „Молоткомъ на камень вѣры“. Но оставилъ онъ безъ вниманія и иностранныхъ пособій на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, при чемъ особенно много поработалъ надъ Беллярминомъ, производя тщательное сличеніе его обширныхъ трактатовъ съ соответствующими отдѣлами „Камня вѣры“.—

2) Вторая глава сочиненія, гдѣ г. Казаковъ изслѣдуетъ самый „Камень вѣры“, имѣетъ видъ серьезной, совершенно самостоятельной научной работы. Всѣ мелкіе отдѣлы этого громаднаго произведенія изучены авторомъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ и охарактеризованы съ такою полнотою и обстоятельностью, что даютъ читателю самое ясное представленіе о предметѣ. Особенно пріятное впечатлѣніе производитъ первый параграфъ перваго отдѣла этой главы, гдѣ авторъ говоритъ объ источникахъ „Камня вѣры“ и изъ страницы въ страницу, путемъ тщательнаго сличенія, выслѣживаетъ, гдѣ и откуда м. Стефанъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, или свою аргументацію. При всей видимой сухости этого и слѣдующаго параграфа, они читаются съ большимъ удовольствіемъ.—

3) Съ большимъ усиліемъ копяясь въ мелочахъ и преодолевая скуку и трудность кропотливой работы разбора и сличенія, г. Казаковъ, гдѣ нужно, обнаруживаетъ способности совершенно иного рода. Онъ даетъ широкія, живыя, блестящія характеристики, которыя читаются съ истиннымъ удовольствіемъ. Къ числу такихъ отдѣловъ его сочиненія нужно отнести характеристику личности Стефана Яворскаго (2-й отдѣлъ 1-й главы), оцѣнку „Камня вѣры“, какъ произведенія популярнаго (3-й параграфъ 2-й главы) и въ особенности изображеніе значенія „Камня вѣры“ для современнаго ему общества (1-й параграфъ 3-й главы).—

4) Въ изложеніи автора не замѣтно никакой искусственности, никакого стремленія украсить свою мысль какимъ-либо звучнымъ, высокимъ или изящнымъ выраженіемъ; его рѣчь льется плавно, совершенно просто и естественно, но, смотря по предмету, о которомъ говоритъ авторъ, она то дышетъ серьезнымъ спокойствіемъ, то оживляется и способна увлечь читателя своимъ искреннимъ одушевленіемъ. Языкъ сочиненія легкій, чистый и правильный.

Въ виду высокихъ достоинствъ сочиненія, желательно, чтобы авторъ въ ближайшемъ будущемъ занялся дальнѣйшею разработкой избраннаго имъ предмета, послѣ чего его произведеніе могло бы составить хорошій вкладъ въ нашу богословскую науку.

Признаю г. Казакова вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

13. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевского о сочиненіи студента *Каптерева Бориса*: „Церковное землевладѣніе въ сѣверной Россіи XVI и XVII вѣковъ (по актамъ Холмогорской и Устюжской епархій, изданнымъ Археографической Коммиссіей)“:

„Это сочиненіе — весьма хорошо составленный очеркъ церковнаго землевладѣнія на двинскомъ Сѣверѣ XVI и XVII в. по изданнымъ недавно актамъ двухъ сѣверныхъ епархій. Пополняя этотъ матеріалъ другими изданными документами по церковному землевладѣнію въ древней Руси и разборчиво пользуясь многими изслѣдованіями по исторіи русскаго землевладѣнія, авторъ отчетливо и сжато, не входя въ подробныя разсужденія, по строго выдержанному плану, точнымъ и простымъ языкомъ описалъ въ трехъ главахъ юридическое и хозяйственное положеніе земельныхъ владѣній сначала архіерейскихъ кааедръ, потомъ монастырей, наконецъ церквей и часовенъ. Наиболѣе крупный недостатокъ сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ, строго замкнувшись въ хронологическихъ границахъ своей темы, воздерживается отъ всякихъ оглядокъ назадъ, на происхожденіе и развитіе описываемыхъ явленій до XVI в., что, конечно, затрудняло ихъ пониманіе и иногда приводило автора къ неполному или сомнительному ихъ объясненію, какова, напр., его догадка о причинѣ сравнительно медленной установки крѣпостныхъ отношеній крестьянъ къ церковнымъ землевладѣльцамъ въ двинскомъ краѣ (стр. 169 и сл.). Авторъ оправдываетъ свою осторожность соображеніемъ, будто за время до XVI в. „мы располагаемъ такими скудными свѣдѣніями относительно мѣстнаго церковнаго землевладѣнія, что не можемъ сдѣлать даже общаго очерка его (стр. II)“.

14. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Каптерева Михаила*: „Государственное положеніе и

гражданскія права раскольниковъ послѣ Петра I— до Екатерины II“:

„Въ названномъ сочиненіи авторъ поставилъ своею задачею прослѣдить государственное законодательство о расколѣ и раскольникахъ и дѣйствительныя отношенія къ нимъ различныхъ органовъ администраціи въ періодъ отъ Петра I до Екатерины II. Такъ какъ законодательство по указанному предмету за этотъ небольшой періодъ не представляетъ чего-либо оригинальнаго, выражаясь почти исключительно въ подтвержденіи постановленій предшествующаго времени (что разъяснено авторомъ во „введеніи“, стр. 1—25), то при его изученіи оказывается необходимымъ постоянно обращаться къ законодательству петровской эпохи и въ связи съ нимъ излагать законодательныя опредѣленія слѣдующаго вышеуказаннаго періода. Такъ именно и поступаетъ авторъ разсматриваемаго сочиненія, излагая въ I главѣ (стр. 26—80) изданныя при преемникахъ Петра I постановленія касательно религіозныхъ правъ послѣдователей старообрядческаго раскола и въ главѣ II (стр. 81—198)—разнообразныя ограниченія ихъ политическихъ и гражданскихъ правъ; III глава (стр. 199—271) посвящена очерку фактическихъ отношеній различныхъ органовъ власти къ расколу за изслѣдуемый періодъ,— тѣхъ отягченій и послабленій, которыя выпадали на долю раскольниковъ не въ силу требованій закона, а въ зависимости отъ личныхъ качествъ и взглядовъ исполнителей этихъ требованій; здѣсь же авторъ пытается разъяснить и то, почему къ концу указаннаго періода въ отношеніяхъ государственной власти къ расколу начинается перемѣна въ сторону большей толерантности характеризующей собою законодательство слѣдующаго періода. Располагая въ этихъ рамкахъ матеріалъ, извлеченный изъ „Полнаго Собранія Законовъ“ и др. документовъ, относящихся къ изучаемой эпохѣ и предмету, авторъ распредѣляетъ этотъ матеріалъ по болѣе мелкимъ рубрикамъ, слѣдующимъ одна за другой въ едва-ли вполне удачномъ порядкѣ и въ большинствѣ случаевъ ограничивается простымъ приведеніемъ или пересказомъ соответствующихъ постановленій, безъ болѣе подробнаго ихъ обслѣдованія и историческаго объясненія. Изложеніе не чуждо недостатковъ: встрѣчаются по мѣстамъ не-литературныя слова

(напр. „включка“ — стр. 104) и цѣлыя выраженія (стр. 213 и др.). Весьма неприятное впечатлѣніе производитъ обиліе ореографическихъ ошибокъ и описокъ, допущенныхъ переписчикомъ и не исправленныхъ авторомъ. При указанныхъ недостаткахъ сочиненіе г. Каптерева обладаетъ, однако, и нѣкоторыми искупающими ихъ внутренними качествами. Къ числу ихъ надо отнести, прежде всего, обнаруженное авторомъ достаточное усердіе въ подборѣ подлежащихъ его изученію источниковъ и умѣнье извлекать изъ нихъ нужное безъ загроможденія своего произведенія лишними подробностями. Видно и знакомство автора съ научными работами о расколѣ, хотя и не особенно обширное. Собственныя сужденія автора чужды крайностей и въ большинствѣ случаевъ правильны. Въ качествѣ кандидатской диссертациі сочиненіе удовлетворительно“.

15. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевского о сочиненіи студента *Кедринскаго Михаила*: „Вліяніе Церкви на родовыя и семейныя отношенія по древнѣйшимъ памятникамъ русскаго церковнаго права и быта“:

„Авторъ раздѣлилъ свое довольно обширное сочиненіе на три главы, изъ коихъ въ первой, составляющей половину всего труда, онъ изобразилъ разложеніе родоваго быта у русскихъ славянъ въ эпоху введенія христіанства на Руси и содѣйствіе Церкви этому разложенію, во второй изложилъ мѣры, принятыя Церковію для устроенія русской христіанской семьи, и въ третьей описалъ самую форму, въ какую отлились семейныя отношенія въ древней Руси подъ усиленнымъ воздѣйствіемъ Церкви. Авторъ изучилъ значительный запасъ ученыхъ пособій и источниковъ по исторіи русскаго семейнаго быта и права, начиная съ памятниковъ русскаго церковнаго права и кончая народными пѣснями и пословицами, старательно выбралъ изъ этого запаса все, относящееся къ предмету сочиненія, и весь этотъ разнообразный матеріалъ обдуманно расположилъ по принятому имъ плану. Выводы его вообще осторожны и основательно доказаны. Авторъ старается вникнуть въ сущность изучаемыхъ явленій, прежде чѣмъ приступить къ изложенію ихъ историческаго развитія, и въ изложеніе этихъ явленій часто вводитъ критическій разборъ историческихъ извѣстій и ученыхъ мнѣній, что сообщаетъ его труду характеръ

методичности и отчетливости. Сочиненію нѣсколько вредитъ то, что общія „замѣчанія“, какія авторъ обыкновенно предпосылаетъ фактическому изложенію „въ интересахъ аргументаціи“, иногда, переходя въ слишкомъ отвлеченныя разсужденія, въ общія мѣста, замѣняютъ аргументацію фактическую или побуждаютъ помощью напряженнаго анализа источниковъ находить въ нихъ больше, чѣмъ они въ себѣ содержатъ, особенно когда авторъ пользуется какимъ-либо темнымъ или невѣрно истолкованнымъ текстомъ древняго памятника (см. напр. стр. 140 и сл. о родовомъ бытѣ, стр. 89, 96 и 126 о статьяхъ Псковской Судной Грамоты, Олегова договора и Русской Правды). Впрочемъ это излишество діалектики въ значительной мѣрѣ сглаживается живымъ и яснымъ изложеніемъ. Сочиненіе можно признать весьма удовлетворительнымъ“.

16. И. д. доцента Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Кедрова Василия*: „Религія и нравственность“:

„Сочиненіе г. Кедрова, кромѣ вводныхъ главъ, имѣющихъ цѣлю выяснить общую точку зрѣнія автора на нравственность и религію, заключаетъ въ себѣ историко-критическій очеркъ независимой (по терминологіи автора, не совсѣмъ въ данномъ случаѣ точной) морали и положительную часть, трактующую о религіозной нравственности. Стремленіе обосновать нравственность на началахъ, независимыхъ отъ религіи, авторъ считаетъ совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ явленіемъ. Но, съ другой стороны, нравственность, ищетъ ли она своего основанія въ разумѣ, или въ опытѣ, не можетъ указать для себя ни опредѣленнаго общезначительнаго принципа, ни надлежащей цѣли и смысла. Совершенно обратное мы видимъ въ морали религіозной, гдѣ нравственность получаетъ высшій смыслъ въ служеніи цѣлямъ рождаемой свыше духовной жизни.“

Сочиненіе г. Кедрова обнаруживаетъ въ немъ значительное философское дарованіе. Онъ свободно разбирается въ нравственно-философскихъ ученіяхъ и вопросахъ и хорошо владѣетъ философскимъ языкомъ. Его соображенія часто блестящи и остроумны, критика смѣлая и иногда мѣткая. Но при этихъ выдающихся достоинствахъ сочиненіе отличается не менѣе выдающимися недостатками. Изъ нихъ главные—отсутствіе ясности въ постановкѣ вопросовъ

и раскрытіи мыслей, невыясненность такихъ пунктовъ, которые должно бы принадлежать въ сочиненіи центральное значеніе, и недостатокъ самостоятельности. Положительныя воззрѣнія г. Кедрова представляютъ собою повтореніе, главнымъ образомъ, Друммонда, но мысли послѣдняго у автора утрачиваютъ въ значительной мѣрѣ свою опредѣленность, нисколько не выигрывая со стороны доказательности. Убѣжденіе автора, что, слѣдуя Друммонду, онъ „съ научною систематичностью“ пользуется „эмпирическимъ методомъ“—нужно назвать страннымъ самообольщеніемъ.

Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

17. Экстраординарнаго профессора Александра Шостынина о сочиненіи студента *Лобанова Павла*: „Пастырскія воззрѣнія и пастырская дѣятельность Стефана Яворскаго“:

„Въ небольшомъ предисловіи (стр. 1—9) авторъ намѣчаетъ планъ своей работы, раздѣляя все сочиненіе на двѣ части, согласно съ данной темой. Въ первой части онъ излагаетъ ученіе Стефана Яворскаго о пастырскомъ служеніи (гл. I, стр. 11—42) и его воззрѣнія на отношеніе къ еретикамъ и раскольникамъ (гл. II, стр. 43—87); во второй части, трактующей о пастырской дѣятельности Яворскаго, авторъ разсуждаетъ о проповѣдничествѣ его (гл. I, стр. 89—142), о литературной противупротестантской и противураскольнической дѣятельности его (гл. II, стр. 143—199), наконецъ о личномъ участіи Яворскаго въ разбирательствѣ дѣлъ о еретикахъ (гл. III, стр. 201—241).

Такое содержаніе сочиненія ясно показываетъ, что авторъ не особенно точно опредѣлилъ себѣ понятіе „пастырства“ и потому затруднился выдѣлить собственно-пастырскій элементъ въ ученіи и дѣятельности Стефана Яворскаго. Во второй главѣ первой части онъ слишкомъ много мѣста удѣляетъ историческимъ справкамъ по вопросу о воздѣйствіи древне-христіанскихъ пастырей на еретиковъ и раскольниковъ. Не мало лишняго и не относящагося прямо къ темѣ находится и во второй части изслѣдованія. Но при этомъ недостатокъ сочиненіе отличается правильнымъ и яснымъ языкомъ, легкимъ изложеніемъ и въ первой главѣ первой части носитъ всѣ признаки полной самостоятельности автора. — Для степени кандидата богословія оно можетъ быть признано совершенно достаточнымъ“.

18. И. д. доцента Сергія Смирнова о сочиненіи студента *Луговского Александра*: „Сношенія древнерусскихъ иноковъ съ православнымъ востокомъ“;

„Сочиненіе имѣетъ двѣ части. Въ первой разсказывается о сношеніяхъ древнерусскихъ иноковъ съ православнымъ востокомъ: въ 1 гл. собраны извѣстія объ этихъ сношеніяхъ, во 2 гл. описаны хожденія нашихъ древнихъ иноковъ-паломниковъ, ихъ настроеніе и намѣренія. Во второй части авторъ разсуждаетъ о слѣдствіи этихъ сношеній — живомъ вліяніи востока на древнерусское монашество, открывая слѣды этого вліянія въ монастыряхъ кievскаго періода (особенно въ Печерскомъ гл. 1), въ сѣверо-восточныхъ монастыряхъ послѣдующаго времени (гл. 2) и въ скитничествѣ Заволжья (гл. 3).

Авторъ работалъ по источникамъ изданнымъ и рукописнымъ, что надо поставить ому въ заслугу. Правда, есть у него пропуски, напр. онъ не знаетъ недавно открытыхъ и изданныхъ хожденій священноинока Варсонофія ко св. граду Иерусалиму (пол. XV в.), но у него въ распоряженіи было достаточно матеріала. Въ свои источники авторъ вчитался очень внимательно и нѣкоторые отдѣлы обработалъ съ похвальной тщательностью. Вся первая часть сочиненія, не смотря на мелкіе промахи въ толкованіи свидѣтельствъ, должна быть признана прекрасной. Съ особенной внимательностью и одушевленіемъ онъ описываетъ настроеніе древнерусскаго инока паломника въ святой землѣ, его странныя представленія, выросшія отчасти подъ вліяніемъ апокрифической и отроченной письменности. Жаль только, что авторъ опустилъ изъ вида фактъ злоупотребленія благочестивымъ обычаемъ паломничества въ древней Руси, въ чемъ были повинны отчасти и иноки.

Вторая часть сочиненія слабѣе. Поставивъ себѣ задачу отыскать въ жизни древнерусскаго монастыря слѣды живого вліянія востока, авторъ не всегда ихъ находитъ. Это особенно надо сказать о второй главѣ, гдѣ идетъ разсужденіе о монастырской жизни на сѣверовостокѣ: въ монастырѣ преп. Сергія, въ обителяхъ его учениковъ и въ монастырѣ Іосифа волоколамскаго. Авторъ не убѣждаетъ въ значительности вліянія живыхъ связей съ востокомъ и по видимому не убѣжденъ въ этомъ самъ (стр. 252), такъ что

эта обстоятельная глава является въ большей своей части излишней. Кромѣ того авторъ допустилъ здѣсь крупную ошибку, характеризуя строй монастырской жизни за весь упомянутый періодъ нѣкоторыми произведениями преп. Іосифа. Но даже и тамъ, гдѣ сношенія съ востокомъ очень замѣтно отразились на нашемъ иночествѣ (напр. среди заволжскаго монашества),— авторъ скупится на доказательства и параллели съ монашескимъ востокомъ.

Сочиненіе написано просто, ясно и немногословно и въ общемъ можетъ быть признано очень хорошимъ.“

19. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Малахова Василия*: „Самоистребленіе въ русскомъ расколѣ“:

„Вопросъ о самоистребленіи въ русскомъ расколѣ—уже не новый въ нашей ученой литературѣ: существуетъ не малое число журнальныхъ статей и даже цѣлыя изслѣдованія, посвященныя ему и имѣющія своею задачею изученіе фактической стороны раскольниковскихъ „самоубійственныхъ смертей“ или ихъ объясненіе. Нельзя, однако, сказать, что указанный предметъ уже исчерпанъ во всей полнотѣ: даже такая существенная сторона его, какъ причины раскольниковскихъ самоистребленій, остается невыясненною въ желательной степени, какъ это обнаружилось въ недавнихъ литературныхъ толкахъ по поводу извѣстныхъ тираспольскихъ событій, не говоря уже о нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ, доселѣ сохлѣмъ забытыхъ или едва затронутыхъ изслѣдователями. Обширная литература предмета не исключаетъ, такимъ образомъ, возможности новаго изслѣдованія, рассчитаннаго на то, чтобы разъяснить недостаточно выясненное и восполнить недостающее. Опытъ такого изслѣдованія и представляетъ собою обширное (стр. XII+385 большого формата) сочаніе г. Малахова.

Не находя возможнымъ, по внѣшнимъ условіямъ своей работы, присоединить что-либо существенно новое къ фактической сторонѣ дѣла, авторъ названнаго сочиненія поставилъ своею задачею критическую разработку имѣющихся въ печатной литературѣ матеріаловъ по вопросу о самоистребленіи въ расколѣ и основанное на нихъ изложеніе тѣхъ сторонъ, которыя ему казалось необходимымъ отмѣтить въ изучаемомъ явленіи (стр. IV предисл.). Частиѣе

эта задача, по его мысли, могла состоять въ томъ, чтобы или отыскать новыя стороны въ предметѣ, еще никѣмъ не затронутыя, или все разрозненное скомбинировать въ одно цѣлое, или же, наконецъ, сдѣлать критическое обзорѣніе существующихъ взглядовъ на изслѣдуемое явленіе, указать ихъ недостаточность и тѣмъ расчистить путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Г. Малаховъ сдѣлалъ попытку удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ: онъ старался дать „по-сильное рѣшеніе по возможности всѣхъ вопросовъ, которые затрогиваются въ расколѣ явленіемъ самоистребленія“—и въ этомъ видитъ существенное отличіе своего произведенія отъ однородныхъ съ нимъ по содержанію изслѣдованій прежняго и настоящаго времени (тамъ же, стр. V—VI).

Ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ разсматриваемаго сочиненія убѣждаетъ читателя въ справедливости этихъ замѣчаній автора о своемъ трудѣ. Послѣдній дѣйствительно представляетъ результатъ критической работы надъ данными, имѣющимися въ литературѣ предмета, и обнимаетъ его полнѣе, чѣмъ всѣ предшествующія изслѣдованія. Авторъ прежде всего старается разобраться въ противорѣчивыхъ взглядахъ по основному вопросу о причинахъ раскольническихъ самоистребленій (гл. I, стр. 1—88) и средѣ ихъ преимущественнаго распространенія (гл. II, стр. 89—136), при чемъ дѣлаетъ попытку примирить существующія противорѣчія и исправить неточности въ сужденіяхъ объ этихъ сторонахъ своего предмета. Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (III, стр. 139—208 и IV, стр. 209—244) онъ даетъ впервые цѣльный, хотя и краткій, историческій очеркъ самоистребленій въ расколѣ, предпославши (на стр. 137—8) общее замѣчаніе, дѣлящее всю исторію раскольническихъ „самоубійственныхъ смертей“ на три періода, съ промежутками затишья, отдѣляющими предыдущій періодъ отъ послѣдующаго. Послѣднія двѣ главы посвящены вопросамъ, хотя имѣющимъ весьма немаловажное значеніе въ исторіи раскольническихъ самоистребленій, но доселѣ почти совсѣмъ не затронутымъ изслѣдователями: это—вопросы о внутренней жизни въ средѣ раскольниковъ—самоистребленій (гл. V, стр. 245—284), о полемикѣ съ самоистребленіемъ, имѣвшей уже въ весьма раннюю пору представителей изъ православныхъ и самихъ раскольниковъ, и о другихъ мѣрахъ

церковной и гражданской власти противъ явленія „самоубійственныхъ смертей“ (гл. VI, стр. 285—361). Въ „приложеніи“ къ изслѣдованію данъ перечень всѣхъ извѣстныхъ автору случаевъ убійствъ и самоубійствъ, происшедшихъ въ расколѣ по религіознымъ мотивамъ; сверхъ того, къ сочиненію приложены двѣ составленныя авторомъ „топографическія карты раскольническихъ самоистребленій“ въ XVII и XVIII вв.

Какъ видно изъ представленнаго краткаго обзора содержанія разсматриваемаго произведенія, послѣднее представляетъ собою опытъ всесторонняго историческаго изученія раскольническихъ религіозныхъ самоубійствъ. Эта широта изслѣдованія, соединенная съ серьезнымъ изученіемъ источниковъ и всего сколько-нибудь важнаго и значительнаго изъ литературы, прямо относящейся къ данному предмету, составляетъ несомнѣнную заслугу автора и большое достоинство его труда. Разумѣется, составленіе изслѣдованія столь широко задуманнаго и касающагося при томъ же двухвѣковаго историческаго явленія, далеко не уясненнаго даже въ существенныхъ своихъ сторонахъ, не могло быть выполнено во всѣхъ своихъ частяхъ съ равномернымъ успѣхомъ и вполне свободно отъ недостатковъ. На первомъ мѣстѣ въ ряду ихъ нужно отмѣтить неполноту свѣдѣній и не достаточную выясненность представленій автора по нѣкоторымъ вопросамъ (первую —напр. въ отдѣлѣ о литературной полемикѣ противъ самоистребленій въ расколѣ, вторую— въ изслѣдованіи о началѣ раскольническихъ „самоубійственныхъ смертей“). Собственные взгляды и сужденія автора иногда обоснованы не достаточно твердо, а полемика съ представителями не раздѣляемыхъ имъ воззрѣній (напр. съ проф. Сикорскимъ по вопросу о значеніи психопатологическихъ причинъ въ исторіи религіозныхъ раскольническихъ самоубійствъ) не всегда убѣдительна. Чувствуется по мѣстамъ спѣшность работы, заявляющая себя нѣкоторою растянутостью и не достаточною стройностью и обработанностью изложенія, а въ одномъ случаѣ—странной ошибкой, состоящей въ томъ, что *издатель* „Исторіи Выговской пустыни“, книгопродавецъ Кожанчиковъ, заносится авторомъ въ число „видныхъ представителей науки о расколѣ“, на ряду съ Щаповымъ и др. (стр. 62—63); встрѣчаются не-

литературныя выраженія (напр. „улизнуть“ — на стр. 252 и т. п.). Но въ цѣломъ сочиненіе г. Малахова производить весьма благопріятное впечатлѣніе: это—усердный и солидный трудъ, свидѣтельствующій о способности и подготовленности автора къ серьезной ученой работѣ. Признаю автора вполне достойнымъ искомой степени“.

20. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Модестова Александра*: „Посланіе св. Апостола Павла къ Галатамъ“:

„Сочиненіе состоитъ изъ: 1) краткаго изложенія (49 стр.) вводныхъ свѣдѣній о народности Галатовъ, о Галатійской церкви, о времени и мѣстѣ написанія посланія, поводѣ къ написанію, цѣли, содержаніи и характерѣ посланія (вопроса о подлинности посланія авторъ не касается),—и 2) послѣдовательнаго толкованія текста посланія (586 стр.) по главамъ и стихамъ (послѣдняя глава изложена въ краткомъ конспектѣ).

По установившемуся на западѣ образцу комментарія на посланія Апостола Павла, авторъ ограничивается *только вербальнымъ* истолкованіемъ текста посланія и *лишь общевывлеченными* (догматическими) опредѣленіями встрѣчающихся въ посланіи понятій, не изслѣдуя и не пытаясь уяснить *нравственно-психологическую* сторону вѣроученія апостольскаго,—т. е. ту именно его сторону, по коей оно, какъ слово Божіе, было живо и дѣйственно (Евр. 4, 12) какъ для самого Апостола, такъ и для его учениковъ, и должно быть таковымъ для всѣхъ христіанъ. Вслѣдствіе сего трудъ автора представляетъ собою не столько цѣлостно-систематическое изложеніе содержащагося въ посланіи ученія, сколько отрывочный сборникъ разныхъ примѣчаній и справокъ къ тексту посланія. Но и въ предѣлахъ этого обычнаго экзегеса вербальнаго авторъ нерѣдко даетъ изслѣдованія предметовъ слишкомъ краткія и по содержанію бѣдныя, даже относительно наиболѣе важныхъ мѣстъ посланія, какъ то: 2, 19—20,—3, 6. 10—15. 19. 22,—5, 17 и сл., а вся шестая глава оставлена безъ экзегетическаго анализа. Многого, наконецъ, и даже очень многого можно бы пожелать отъ автора и въ отношеніи полноты и тщательности изученія отчасти даже и древне-церковной (напр. Ефремъ Сирийскій, Феодоръ Мопсуетскій, Евимій Зигабень,

Катены), но главнымъ образомъ новѣйшей иностранной литературы предмета. Все это даетъ видѣть, что авторъ взялъ для своего кандидатскаго сочиненія предметъ непосильный.

Однакожь эти, извиняющіеся отчасти трудностію предмета, недостатки сочиненія могутъ быть покрыты слѣдующими достоинствами: 1) при толкованіи текста посланія авторъ часто и обильно цитуетъ древне-церковныхъ писателей—Златоуста, Θεодорита, Иеронима, Августина и Θεофилакта,—2) русская литература, относящаяся къ данному предмету, изучена авторомъ вполнѣ, а иностранная ограничена хотя и немногими, но наилучшими толкованіями (Визелера, Мейера—Зиффферта, отчасти Корнели и др. нѣк.),—3) отъ Еп. Θεофана трудъ автора отличается большею сосредоточенностью экзегеса и полною филологическаго изученія, отъ Галахова—большею провѣренностію и отъ другихъ русскихъ (Агаѣангела, Филарета)—большею подроностію толкованія и широтою изученія иностранной литературы;—4) авторъ обладаетъ похвальною способностію кратко и ясно указывать разные оттѣнки въ толкованіяхъ, принадлежащихъ новѣйшимъ ученымъ западнымъ, основательно ихъ оцѣнивать и наиболѣе изъ нихъ состоятельныя избирать и обрабатывать въ духѣ православнаго экзегеса,—5) языкъ сочиненія простой и дѣловой.

Сочиненіе удовлетворительно для кандидатской степени“.

21. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Нарбекова Ксенофонта*: „Ученіе святыхъ отцовъ 4-го вѣка о природѣ первозданнаго человѣка“:

„Сочиненіе Ксенофонта Нарбекова, кромѣ краткаго Введенія и Заключенія и перечня источниковъ и пособій, содержитъ въ себѣ 8 главъ. Изъ нихъ первая глава посвящена изложенію и опроверженію святыми отцами 4-го вѣка еретическихъ ученій о природѣ первозданнаго человѣка; вторая содержитъ положительное ученіе святыхъ отцовъ объ общихъ отличительныхъ признакахъ первозданной человѣческой природы, подъ которыми онъ разумѣетъ отношеніе ея къ природѣ другихъ тварей, къ природѣ человѣка падшаго и къ природѣ человѣка, возсозданнаго Христомъ; третья излагаетъ святоотеческое ученіе о тѣлѣ первозданнаго человѣка; четвертая изображаетъ ученіе тѣхъ же отцовъ о душѣ первозданнаго человѣка; пятая представляетъ ученіе ихъ

объ образѣ Божіемъ въ первоизданномъ челоуѣкѣ; въ трехъ послѣднихъ главахъ излагается ученіе отцовъ 4-го вѣка объ отношеніи первоизданнаго челоуѣка къ Богу (6. гл.), къ земному міру (7 гл.) и къ женѣ (8 гл.).

Съ ученіемъ святыхъ отцовъ 4-го вѣка о предметѣ своего изслѣдованія г. Нарбековъ ознакомился по сочиненіямъ ихъ, большею частію въ переводахъ ихъ на русскій языкъ. Изъ пособій онъ пользовался трудомъ Діонисія Петавія: *Opus de theologicis dogmatibus*, именно четвертымъ томомъ этого обширнаго сочиненія, и системами русскихъ догматистовъ. Нельзя сказать, чтобы онъ обнялъ ученіе отцовъ 4-го вѣка о природѣ первоизданнаго челоуѣка во всей полнотѣ. Напр., онъ упустилъ изъ вниманія ученіе Аванасія Великаго о томъ, что челоуѣкъ сотворенъ по образу именно втораго лица Святыя Троицы. Но пробѣлы извиныются обширностію литературы предмета. Въ концѣ каждой главы дѣлаются общіе выводы изъ изложеннаго ученія святыхъ отцовъ. Какъ изложеніе ихъ ученія, такъ и эти выводы показываютъ, что г. Нарбековъ освоился съ ученіемъ отцовъ о природѣ первоизданнаго челоуѣка основательно. Простота, легкость и безъискусственность изложенія производятъ пріятное впечатлѣніе. Степени кандидата авторъ этого сочиненія заслуживаетъ.“

22. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Нарбекова Николая*: „Общество первыхъ расколоучителей:“

„Небольшое сочиненіе г. Нарбекова состоитъ, кромѣ предварительныхъ объясненій и весьма краткаго (въ нѣсколько строкъ) вступленія, изъ пяти главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 7—25) авторъ обозначаетъ „составъ общества первыхъ расколоучителей“, исчисляя главныхъ дѣятелей раскола въ начальную эпоху его существованія и пѣкоторыхъ менѣе значительныхъ ихъ сообщниковъ и покровителей; вторая глава (стр. 27—54) содержитъ краткую характеристику умственнаго и нравственнаго склада главнѣйшихъ расколоучителей; въ третьей—самой большой по объему (стр. 55—92)—дается обзоръ (далеко не полный) ученія и взглядовъ первыхъ расколоучителей, при чемъ главное вниманіе обращено авторомъ на выясненіе вопросовъ о еретичествѣ нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ стол-

нами первоначальнаго раскола, и о противорѣчїи въ ихъ сужденїяхъ относительно предметовъ разногласїя ихъ съ Церковію; въ четвертой главѣ (стр. 93—125) представленъ краткій очеркъ дѣятельности первыхъ расколоучителей, какъ пропагандистовъ своихъ заблужденїй; послѣдняя пятая глава (стр. 127—132) касается взаимныхъ отношенїй между собою членовъ изучаемаго „общества первыхъ расколоучителей“.

Нельзя сказать, что сочиненїе г. Нарбекова очень обильно по содержанїю: оно далеко не исчерпываетъ своего предмета съ желательною полнотою, такъ какъ изложенїе передаваемыхъ въ немъ свѣдѣній отличается почти конспективною краткостью и отсутствїемъ деталей, а нѣкоторыя стороны изучаемаго предмета остаются и совсѣмъ не затронутыми. Въ свое оправданїе авторъ ссылается на то, что многое, чего ему предстояло коснуться въ своемъ сочиненїи, уже разработано въ существующихъ печатныхъ трудахъ; но, во-первыхъ, онъ самъ-же и отступаетъ отъ этого соображенїя, вводя въ свое произведенїе замѣчанїя по вопросамъ, разъясненнымъ не менѣе тѣхъ, которые онъ считалъ возможнымъ обойти (напр. по вопросу о догматическомъ неправомыслїи нѣкоторыхъ расколоучителей и о ихъ разногласїяхъ между собою), во вторыхъ, существующїя въ печатной литературѣ обстоятельныя разъясненїя по частнымъ вопросамъ вовсе не отнимали у автора возможности воспользоваться ихъ результатами для нѣкоторыхъ общихъ построенїй и выводовъ, которые были бы не излишними въ разсматриваемомъ сочиненїи. Кромѣ указаннаго общаго недостатка не трудно было бы указать нѣсколько частныхъ опибокъ и недосмотровъ, въ родѣ, напр., заявленїя, что Логинъ „становится извѣстенъ, какъ сторонникъ раскола“ на соборѣ 1654 г. (стр. 11) или—ошибочнаго объясненїя различїя во взглядахъ прот. Аввакума по одному вопросу совершенно произвольною догадкою о хронологической послѣдовательности относящихся сюда его сочиненїй (стр. 60) и т. п. Не видно въ разсматриваемомъ сочиненїи достаточно широкаго знакомства автора съ существующею литературою ученыхъ изслѣдованїй, относящихся къ первоначальной эпохѣ раскола. Не было бы несправедливо отказать ему въ усердномъ изученїи главнаго источника для своей

работы—„Матеріаловъ для исторіи раскола“, изданныхъ Н. П. Субботинымъ; источникъ этотъ, видимо, знакомъ автору во всей полнотѣ, и въ намѣченныхъ рамкахъ своей работы г. Нарбековъ воспользовался имъ умѣло и благо-разумно, извлекая все существенно для него важное и не загромождая своего произведенія обширными выдержками, которыми такъ легко, но безъ пользы для дѣла, можно было бы увеличить его объемъ. Вообще отсутствіе (за немногими исключеніями) лишнихъ подробностей и умѣнье излагать свои мысли кратко, безъ утомительнаго многословія, составляютъ хорошія качества разсматриваемаго сочиненія. Во вниманіе къ этимъ качествамъ находя возможнымъ отнестись снисходительно къ его недостаткамъ, полагаю, что сочиненіе г. Нарбекова для своей цѣли можетъ быть признано достаточнымъ“.

23. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Овсіевскаго Владиміра*: „Взаимное отношеніе между благодатию Божіею и естественными силами человѣка“:

„Кромѣ введенія и заключенія сочиненіе Владиміра Овсіевскаго распадается на двѣ части. Первая часть, *историко-критическая*, содержитъ въ себѣ: а) изложеніе и обзоръ ученія святыхъ отцовъ и учителей Восточной Цѣркви о благодати и ея отношеніи къ естественнымъ силамъ человѣка (гл. 1; 1—98 стр.); б) изложеніе и обзоръ ученія отцовъ и учителей Западной Цѣркви (гл. 2; 98—221 стр.); в) изложеніе и критическій разборъ ученія о благодати русской богословской науки (отдѣл. 2; 221—258 стр.). Вторая, немного меньшая, названа авторомъ частію *положительно-теоретическою*. Она содержитъ въ себѣ четыре главы съ слѣдующими заглавіями: Глава I. Точка отправленія въ раскрытіи ученія о благодати: Христіанство, какъ новая реальная жизнь (259—274 стр.). Глава II. Человѣкъ, какъ воспринимающій эту жизнь (275—303 стр.). Глава III. Богъ, какъ дающій эту жизнь (305—335). Глава IV. Взаимное отношеніе между божественною благодатию и естественными силами человѣка (336—471 стр.).

Источниками для первой части служили автору творенія святыхъ отцовъ и системы Догматическаго и Нравственнаго Богословія, а также и спеціальныя по изслѣдуемому пред-

мету сочиненія. Вторая часть написана подъ вліяніемъ сочиненій Несмѣлова и Друммонда. Старательное изученіе матеріала и тщательная обработка его, а также оцѣнка взглядовъ показываютъ въ авторѣ достаточную для кандидата сочиненія самостоятельность. Въ сочиненіи обнаружены любовь къ изслѣдуемому предмету и здравая оцѣнка взглядовъ писавшихъ о немъ. Планъ сочиненія выдержанъ въ цѣломъ и въ частяхъ. Вообще главнымъ достоинствомъ сочиненія слѣдуетъ признать обработанность его, не смотря на значительные размѣры труда. Въ отношеніи къ полнотѣ изслѣдованія можно упрекнуть автора за то, что при изложеніи и оцѣнкѣ мнѣній русскихъ богослововъ о благодати онъ совершенно упустилъ изъ виду ученіе Митрополита Филарета. Въ заслугу автору нужно вмѣнить то, что онъ взялся за изслѣдованіе труднаго вопроса и исполнилъ его съ достоинствомъ. Къ лучшимъ страницамъ можно причислить изложеніе и оцѣнку ученія полупелагианъ и начало второй части труда. Изложеніе, если не принимать во вниманіе двухъ-трехъ нескладныхъ оборотовъ, безупречно. Признаю сочиненіе вполнѣ достойнымъ того, чтобы автору его была присуждена степень кандидата богословія“.

24. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Пискарева Александра*: „Значеніе великаго Новгорода въ исторіи распространенія христіанства на русскомъ сѣверѣ“:

„Свое сочиненіе авторъ разбилъ на небольшія главы, излагающія вопросъ въ такомъ порядкѣ. Въ первыхъ пяти главахъ идетъ разсужденіе о культурномъ состояніи финновъ, насельниковъ новгородскаго края, о славянской колонизаціи, какъ условіи, благопріятствовавшемъ распространенію христіанства у насъ на сѣверѣ, о появленіи тамъ монастырей, разсадниковъ христіанства. Начиная съ VI гл. и до конца (X гл.) разсказывается по вѣкамъ до XVI включительно о движеніи христіанства на русскомъ сѣверѣ изъ Новгорода въ связи съ указанными явленіями — колонизаціей и возникновеніемъ монастырей.

Постановка вопроса у автора совершенно правильна, но его разработка недостаточно основательна и удачна. Въ предварительныхъ очеркахъ (I—V гл.) слабо намѣчены или же опущены весьма важные вопросы. Напримѣръ, начиная

говорить о распространеніи христіанства изъ Новгорода, авторъ не задался вопросомъ объ утверженіи христіанства въ самомъ городѣ и ближайшихъ его предѣлахъ и видимо не принималъ этого во вниманіе при своей работѣ. А между тѣмъ можно быть увѣреннымъ, что при этомъ условіи онъ подругому бы взглянулъ на успѣхи христіанства въ XI—XII вв., распространявшагося на сѣверѣ изъ Новгорода.—Хронологическій порядокъ изложенія въ остальной части сочиненія нельзя считать удачнымъ. Онъ придаетъ разсказу дробный характеръ и превращаетъ сочиненіе въ предварительное полное собраніе матеріаловъ по вопросу. Къ тому же авторъ не всегда относится критически къ своимъ источникамъ или не пользуется критической обработкой ихъ въ тѣхъ пособіяхъ, которыя несомнѣнно были у него подъ руками. Отсюда у него являются ошибки, хотя и мелкія, напр. уставъ Ярослава о мостовыхъ въ Новгородѣ авторъ относитъ къ XI вѣку. Въ цитации встрѣчаются недостатки.

Несмотря на эти недочеты сочиненіе г. Пискарева можно признать довольно хорошимъ“.

25. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненія студента *Постникова Александра*: „Юридическая теорія доказательствъ, примѣнявшаяся и примѣняющаяся въ епархіальномъ судопроизводствѣ со времени учрежденія Святейшаго Синода и по настоящее время“:

„Названное сочиненіе представляетъ опытъ научнаго освѣщенія порядка, средствъ и приемовъ того епархіальнаго судопроизводства, которое постепенно образовывалось практикою подъ непосредственнымъ вліяніемъ гражданскаго суднаго процесса со времени Петра Великаго, завершилось потомъ точно формулированными правилами Устава духовныхъ консисторій 1841 и 1883 гг. и до нынѣ примѣняется въ епархіальномъ судѣ. Хотя ближайшимъ предметомъ ученой работы автора была собственно *часть* процесса, именно *доказательства*, но по тѣсной связи ея съ прочими моментами процесса, авторъ долженъ былъ нѣсколько расширить предѣлы своего изслѣдованія, именно съ цѣлью уяснить для себя природу и характеръ *цѣлаго* процесса, часть котораго онъ избралъ цѣлью своего спеціальнаго изученія.

Задача автора состояла въ томъ, чтобы на основаніи

процессуальныхъ правилъ, изложившихъ въ законѣ, и примѣровъ судебной практики изучить образъ дѣйствованія епархіальнаго суда въ изслѣдованіи истины въ подлежащемъ судебномъ дѣлѣ, посредствомъ собиранія свѣдѣній (доказательствъ) и ихъ оцѣнки для постановленія судебного рѣшенія или приговора, и дать отвѣтъ на вопросъ: къ какому рода теоріи доказательствъ и къ какому рода процессуальнымъ формамъ принадлежитъ этотъ образъ дѣятельности епархіальнаго суда?

Средствами для осуществленія этой задачи для автора служили:

а) въ теоретическомъ отношеніи: изслѣдованіе *Dr. Carl Gross* (проф. Вѣнскаго Университета): *Die Beweisstheorie im canonischen Process*. Wien. 1867. и нѣкоторыя изслѣдованія русскія по процессуальному праву.

б) въ матеріальномъ отношеніи: подлинное церковно-гражданское законодательство: Д. Регламентъ, Полное Собраніе и Сводъ Законовъ (т. XV), Собраніе постановленій по Вѣд. Прав. Исповѣданія, Уставъ духовныхъ консисторій; изданныя резолюціи Митрополита Филарета и издававшіяся по временамъ въ историческихъ журналахъ консисторскія судебныя рѣшенія.

Съ помощью этихъ средствъ авторъ исполнилъ свою задачу съ успѣхомъ замѣчательнымъ, несомнѣнно свидѣтельствующимъ не только о навыкѣ автора къ ученымъ занятіямъ, но и о природной его способности къ *анализу* изучаемаго юридическаго матеріала—способность, по преимуществу необходимая въ трудахъ подобнаго рода.

Свойствами, характеризующими сочиненіе, могутъ быть указаны слѣдующія:

а) Полнота и законченность изслѣдованія избраннаго предмета. Авторъ обнялъ предметъ всесторонне и раскрылъ всѣ части его съ одинаково глубокимъ вниманіемъ и основательностію, какъ объ этомъ можно судить уже по подробному оглавленію, приложенному въ началѣ сочиненія. Все оно дѣлится на слѣд. части: гл. 1: Понятіе о доказательствахъ вообще и о юридическомъ въ частности (стр. 60—100); гл. 2: Вопросъ о томъ, кто долженъ доказывать или о *бремени* доказательствъ? (стр. 101—328); гл. 3: Предметъ доказательства (329—402); гл. 4: Средство доказа-

тельства (403—510); гл. 5: Оцѣнка судебныхъ доказательствъ (511—550) и заключительныя замѣчанія (551—559). Кромѣ того, цѣлому изслѣдованію предпослано введене (стр. 1—60).

б) Раздѣльность, отчетливость и ясность изложенія, и послѣдовательность, связность и основательность суждений и выводовъ.

в) Спокойный топь и научно-объективное отношеніе къ предмету изслѣдованія.

Это доброе свойство сочиненія заслуживаетъ быть въ особенности вмѣнено въ заслугу автору, какъ рѣдко встрѣчающееся не только въ студенческихъ сочиненіяхъ, но и въ печатныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Въ виду весьма обыкновенныхъ огульныхъ порицаній консисторскаго судопроизводства, авторъ сумѣлъ воздержаться отъ искушенія впасть въ тонъ порицателя тамъ, гдѣ встрѣчался съ дѣйствительными случаями промаховъ въ судейской практикѣ или съ несовершенствами въ самихъ правилахъ и стрѣб процесса. Повидимому, у автора всюду одна цѣль — *объяснить* изучаемое явленіе, а не судить о немъ и тѣмъ болѣе—издѣваться надъ нимъ.

Но на ряду съ этими добрыми свойствами сочиненія нельзя умолчать и объ одномъ дов. существенномъ *недостаткѣ* его; такимъ является языкъ и стиль автора. Весьма нерѣдко встрѣчаются и отдѣльные термины, и сочетанія словъ весьма неудовлетворительно выражающія мысль—или совсѣмъ некрасиво, вычурно, или многословно и это—даже въ рубрикахъ, или заглавіяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ языка и стиля автора, заимствуемыхъ изъ оглавленія сочиненія, слѣдовъ, въ особенности непріятно рѣжущихъ слухъ и зрѣніе читателя:

„*Время* доказыванія въ бракоразводномъ процесѣ“.

„Различіе предмета доказыванія *по содержанію въ дѣлахъ по слѣдственнымъ проступкамъ*“.

„Предметъ доказыванія съ отрицательной стороны (безспорность и *относимость*) во всѣхъ вообще дѣлахъ епархіальнаго судопроизводства“.

Авторъ весьма часто употребляетъ слово „проступокъ“ тамъ, гдѣ слѣдовало бы употребить слово „преступленіе“, очевидно не зная, что смыслъ этихъ терминовъ установ-

лень твердо въ нашемъ оффиціально - юридическомъ употребленіи.

Полагаю, что этотъ важный недостатокъ сочиненія произошелъ отъ двухъ причинъ: отъ недостаточнаго обращенія автора съ русскою юридическою литературою и отъ недостатка времени, всецѣло посвященнаго изученію предмета и мало потраченнаго для приданія приличной формы хорошему и цѣнному содержанію сочиненія.

Недостатокъ — при усердіи и способности автора — трудно устранимый.

Признаю сочиненіе не только вполне удовлетворительнымъ для полученія авторомъ степени кандидата богословія, но и пригоднымъ — при условіи устраненія отмѣченнаго недостатка и нѣкоторомъ дополненіи историческимъ матеріаломъ — для магистерской диссертациі.

26. Экстраординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента *Рождественскаго Василія*: „Книга Премудрости Іисуса сына Сирахова, какъ памятникъ греческаго языка и словесности“:

„Сочиненіе г. Рождественскаго состоитъ изъ четырехъ главъ далеко не одинаковаго объема и значенія. Именно, въ главѣ первой, представляющей собой „введеніе“ (стрн. 1—27) авторъ „уясняетъ“, по его словамъ, „смыслъ данной темы“, дѣлаетъ замѣчанія „о сущности даннаго вопроса“ и перечисляетъ источники и пособія, которыми онъ пользовался при написаніи своего труда. Въ главѣ второй, представляющей, по намѣренію автора, „исагогическую часть“ (стрн. 28—92), рѣшаются вопросы объ авторѣ книги Премудрости и переводчикѣ ея на греческій языкъ, о времени происхожденія книги и перевода ея и о канонѣ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Глава третья содержитъ въ себѣ „филологическую часть“ (стрн. 93—329), въ которой излагается А) содержаніе книги Премудрости (93—108); Б) изслѣдованіе о еврейскомъ подлинникѣ ея и вліяніи его на греческій переводъ ея (108—127); В—Д) ея отношеніе къ переводу LXX по языку (грамматика и лексиконъ) съ различныхъ сторонъ (стрн. 128—244) и Е—З) — къ другимъ, современнымъ и позднѣйшимъ, произведеніямъ греческой письменности — іудейской, языческой и христіанской (245—329). Наконецъ, глава четвертая пред-

ставляетъ „заключеніе“ (стрн. 329—337), разсуждающее „о важности и назначеніи“ разсматриваемой книги „въ христіанской церкви“.

Сочиненіе г. Рождественскаго является опытомъ труда, задача котораго не вполне ясно предносилась уму автора. На стран. 2-й онъ говоритъ, что „цѣль“ его „сочиненія— чисто филологическая, а не экзегетическая“. Но, съ одной стороны, и филологическую цѣль эту онъ, какъ видно изъ самаго изслѣдованія, понимаетъ слишкомъ узко, ограничивая ее почти исключительно грамматическими и (больше всего, стран. 141—329) лексикологическими розысканіями, забывая, что, по заглавію труда своего, онъ долженъ былъ бы разсматривать книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова, какъ памятникъ не только „языка“ греческаго, но и греческой „словесности“ въ ряду иныхъ таковыхъ же памятниковъ, а съ другой, все же вводитъ и часть „исагогическую“. Отсюда—неравномѣрность и нѣкоторая спутанность въ распредѣленіи частей сочиненія (—разумѣемъ дѣленіе на главы, съ вышепоказаннымъ содержаніемъ каждой изъ нихъ), неясность мыслей по мѣстамъ (напр. стран. 37, 47, 336), неубѣдительность аргументаціи (напр. стран. 15, 112—114, 142) и т. п. Встрѣчаются также недоразумѣнія (стрн. 26, 121), даже невѣрность мыслей (стрн. 116, 172) и другіе недостатки.

Не смотря на все это, заслуживаютъ полнаго одобренія а) самостоятельность работы автора, являющаяся между прочимъ въ успѣшной борьбѣ его съ противниками (стрн. 39, 40, 92), особенно же въ филологической части; б) его великое трудолюбіе, особенно опять въ той же филологической части, требовавшей большой кропотливости; в) тщательность и тонкость филологическихъ наблюдений, особенно въ лексикологін; г) языкъ довольно чистый и тонъ рѣчи вполне серьезный, а равно и другія достоинства труда молодого ученаго.

Посему сочиненіе дасть полное право автору на степень кандидата богословія“.

27. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Сахарова Ивана*: „Исторія православной противораскольнической полемики со времени учрежденія Св. Синода до учрежденія единовѣрія“:

„Сочиненіе г. Сахарова представляет не очень обширный (стр. IV+359), но серьезный трудъ, посвященный изученію православныхъ полемическихъ сочиненій противъ раскола, относящихся ко времени съ учрежденія Св. Синода до установленія единовѣрія. Указавши кратко въ предисловіи характеристическія черты этого періода въ исторіи противораскольнической полемики, авторъ въ четырехъ главахъ своего сочиненія обзрѣваетъ въ хронологической послѣдовательности подлежавшія его изученію полемическія произведенія, передавая по возможности кратко, но точно и обстоятельно существенное ихъ содержаніе и сопровождая это изложеніе оцѣнкою ихъ со стороны внутреннихъ качествъ—полемическихъ приемовъ ихъ авторовъ, средствъ, какими располагаютъ послѣдніе, и съ точки зрѣнія соотвѣтствія или несоотвѣтствія ближайшимъ жизненнымъ запросамъ, которымъ должно было удовлетворить каждое изъ этихъ произведеній. Оцѣнка эта, при всемъ ея обычномъ у автора немногословіи, отличается опредѣленностію и полнотою; сужденія г. Сахарова объ изучаемыхъ имъ полемическихъ произведеніяхъ серьезны, основательны и чужды всякихъ крайностей; они ясно показываютъ, что авторъ хорошо знакомъ съ своимъ предметомъ и установилъ для себя правильную точку зрѣнія на него, равно какъ и на задачи своей работы. Вообще, насколько дѣло касается отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи протавораскольнической литературной полемики за указанный періодъ, представляемыхъ сочиненіями православныхъ писателей противъ раскола, произведеніе г. Сахарова не вызываетъ противъ себя серьезныхъ возраженій; можно было бы пожелать только болѣе полного выясненія взаимнаго соотношенія этихъ отдѣльныхъ моментовъ и общихъ руководящихъ основъ, хотя и эта сторона не оставлена безъ вниманія. Библиографическія указанія и ссылки, встрѣчающіяся въ сочиненіи, всегда точны; изложеніе мыслей обработанное и вполне литературное: съ этой стороны разсматриваемое произведеніе почти безукоризненно. Признаю его очень хорошею диссертацией на искомую степень“.

28. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣлева о сочиненіи студента *Сахарова Петра*: „Ученіе о тысячелѣтнемъ царствѣ Христа на землѣ“:

„Общее направленіе предлагаемаго труда, говоритъ авторъ послѣдняго, обусловлено стремленіемъ показать источники хиліазма и освѣтить отношеніе и степень зависимости отдѣльных хиліастовъ отъ этихъ источниковъ... Планъ нашей работы въ общей схемѣ таковъ: сначала мы постараемся показать, отъ какихъ историческихъ факторовъ можно считать зависящимъ хиліазмъ въ его основоположеніяхъ; далѣе, мы дадимъ очеркъ ученія хиліастовъ, при чемъ будетъ держаться раздѣленія ихъ на представителей *chiliasmus crassus* и *chiliasmus subtilis*; изученіе доктрины еретиковъ мы полагаемъ прежде анализа воззрѣній отцовъ-хиліастовъ; заключительнымъ отдѣломъ главы, посвященной возможно-полному изложенію ученія хиліастовъ, мы дѣлаемъ сопоставленіе ихъ доктрины съ Библией; что же касается до сопрякосновенія идей хиліастовъ съ внѣбиблейскими источниками, то мы его прослѣживаемъ при характеристикѣ воззрѣній наиболее типичныхъ хиліастовъ такъ сказать спорадически; это обусловлено трудностію подчинить разсматриваемую сторону дѣла какой-либо систематизаціи. Послѣ изложенія ученія хиліастовъ и его снесенія съ библейскимъ богословіемъ мы даемъ положительное ученіе Библии о тысячелѣтнемъ царствѣ Христа въ видѣ особаго очерка путемъ экзегесиса (!) 20 й гл. Откровенія и кратко сопоставляемъ добываемые спеціальнымъ экзегесисомъ результаты съ принципиальными пунктами въ ученіи хиліастовъ. Ученіе отцовъ антихиліастовъ о тысячелѣтнемъ царствѣ Христа мы помѣщаемъ отчасти въ отдѣлѣ объ отношеніи основоположеній хиліазма къ Библии обоихъ Завѣтовъ, отчасти разбросанно въ другихъ главахъ, гдѣ того требуетъ логическая нить аргументаціи“ (26—28 стр.).

Изложенный въ этихъ словахъ планъ въ сочиненіи выполненъ.

Источниками и пособиями автору служили творенія отцовъ и учителей—хиліастовъ и противниковъ хиліазма, а также толкователей Апокалипсиса и спеціальныя о хиліазмѣ сочиненія новыхъ и новѣйшихъ ученыхъ, нѣмецкихъ и французскихъ, равно какъ и толкованія богослововъ того же времени на Апокалипсисъ. Апокрифическими сочиненіями авторъ пользовался изъ вторыхъ рукъ. Вообще же ему привелось читать, или, по крайней мѣрѣ, просматривать

очень много книгъ, какъ изъ древней, такъ и изъ новой литературы.

Добытый имъ, путемъ изученія литературы, матеріалъ, въ сочиненіи получилъ достаточную обработку. Не отвлекаясь частностями, авторъ не упустилъ изъ вида ни одной существенной стороны предмета, но не всё изслѣдовалъ съ одинаковою обстоятельностью. Напр., доводы, извлекаемые хилиастами изъ ученія Ветхаго Завѣта, рассмотрѣны имъ слишкомъ кратко и обще.

Изложеніе сжатое и ясное. Но стиль не безупреченъ. Встрѣчаются обороты вычурные, искусственные и нескладные; часто употребляются иностранныя слова безъ особенной надобности.

Авторъ сочиненія степени кандидата заслуживаетъ.“

29. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевского о сочиненіи студента *Серебрянскаго Николая*: „Монастыри и монашество въ Псковской землѣ въ связи съ общими и мѣстными условіями русской церковной жизни XIV—XVI в.“:

„Авторъ въ своемъ трудѣ обратилъ вниманіе „главнымъ образомъ на указаніе и объясненіе мѣстныхъ чертъ монастырской жизни въ связи и зависимости отъ мѣстныхъ условій ея развитія“ въ Псковской землѣ, но при этомъ согласно съ темой призналъ, что изученіе этихъ мѣстныхъ чертъ должно быть „сравнительное“, и потому поставилъ себѣ задачей „частныя явленія внутренней жизни псковскаго монашества по возможности разсматривать въ связи съ общими условіями древнерусской монастырской жизни“ (стр. II и VI). На этихъ соображеніяхъ построенъ планъ труда „не строго хронологическій, а скорѣе предметный“, какъ характеризуетъ его самъ авторъ (стр. VIII). Не отступая отъ хронологическаго порядка наиболѣе важныхъ явленій въ исторіи псковскаго монашества, авторъ въ каждой изъ трехъ главъ своего сочиненія съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на одномъ изъ трехъ главнѣйшихъ монастырей Псковской земли, какъ типическихъ представителей различныхъ складовъ и направленій, господствовавшихъ въ жизни псковскаго монашества, именно въ первой главѣ на монастырѣ Снѣтогорскомъ, въ второй на Спасо-Елеазаровомъ, въ третьей на Псково-Печерскомъ. Въ послѣд-

ней четвертой главѣ изложены общія замѣчанія о внутреннемъ бытѣ псковскаго монашества. Авторъ пытался объяснить происхождение и источники монастырскаго устава преп. Евфросина и съ этой цѣлью въ приложеніи къ сочиненію помѣстилъ этотъ уставъ по двумъ спискамъ XVI в. съ параллельными выписками изъ грамотъ митроп. Фотія и архіепископовъ новгородскаго Симеона и суздальскаго Діонисія. Для рѣшенія своей сложной задачи авторъ собралъ весьма обильный матеріалъ печатный и рукописный, критико-библиографическій обзоръ котораго представилъ во введеніи. Между прочимъ онъ пользовался неизданными житіями нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ и двумя рукописями изъ бібліотеки Псково-Печерскаго монастыря, кормовою книгой и лѣтописью этой обители. Основательное изученіе источниковъ и литературы предмета, обдуманность плана сочиненія, умѣнье критически вникать въ подробности изучаемаго вопроса, обнаруженное особенно во введеніи (разборъ редакцій житія преп. Евфросина) и во второй главѣ о преп. Евфросинѣ, осторожность и отчетливость выводовъ, изложенныхъ въ послѣдней главѣ, — всѣ эти качества труда въ значительной мѣрѣ покрываютъ наиболѣе замѣтный его недостатокъ, касающійся „сравнительнаго изученія“ предмета, которое авторъ призналъ необходимымъ: желательно было бы болѣе отчетливое выясненіе общихъ условій церковной и въ частности монастырскаго жизни древней Руси. Вслѣдствіе этого недостатка авторъ не избѣгнулъ опасности, имъ самимъ предусмотрѣнной, — „признанія за мѣстныя такихъ чертъ (монастырскаго жизни), которыя при болѣе подробномъ и тщательномъ изученіи утратили бы, предполагаемъ, свой мѣстный характеръ (стр. III)“. При болѣе углубленномъ сравнительномъ изученіи предмета нѣкоторыя мѣстныя особенности монастырскаго жизни въ Псковской землѣ, признаваемые авторомъ за мѣстныя, онъ встрѣтилъ бы и въ монастыряхъ другихъ областей Руси, особенно новгородскаго сѣвера.

Сочиненіе студента Серебрянскаго [можетъ быть признанъ весьма хорошимъ“.

30. Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Смирнова Ивана*: „Михаилъ VIII Палеологъ и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи“:

„Въ церковно-историческомъ отношеніи царствованіе Михаила VIII Палеолога обращаетъ на себя вниманіе главнымъ образомъ двумя явленіями: расколомъ арсенитовъ и ліонской уніей. Такъ какъ о патр. Арсеніи и связанномъ съ его именемъ расколѣ въ русской литературѣ уже существуетъ очень солидное изслѣдованіе проф. И. Е. Троицкого, то г. Смирновъ центральнымъ предметомъ своего сочиненія избралъ ліонскую унію вмѣстѣ съ вызванной ею въ Византіи полемикой по вопросу о Filioque и расположилъ его по слѣдующему плану. Представивъ во введеніи (I—LXXII стр.) характеристику личности Михаила VIII и очеркъ культурно - политическаго и религіознаго состоянія Византіи во второй половинѣ XIII-го вѣка, онъ, затѣмъ, дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ большихъ части. Въ первой части онъ излагаетъ исторію ліонской уніи, какъ ова осуществлялась въ дипломатическихъ сношеніяхъ императора съ папами (1—44), на засѣданіяхъ ліонскаго собора (44—170) и въ борьбѣ партій, возникшей въ Византіи послѣ провозглашенія уніи (170—255). Во второй же части дѣлаетъ обзоръ сочиненій, вышедшихъ изъ-подъ пера византійскихъ апологетовъ уніи—Никифора Влеммида(259—268), Іоанна Векка (268—285), Константина Мелитеніона(285—286) и Георгія Метохита (286—289),—сопровождая его необходимыми критико - библиографическими замѣчаніями, систематизируетъ содержаніе ихъ и передаетъ основные доводы, приводимые въ нихъ на защиту уніи (289—360). Свою работу г. Смирновъ заканчиваетъ анализомъ словъ Георгія Акрополита, составленныхъ въ опроверженіе уніи и ученія о Filioque (363—397).

Ліонской уніей занимались многіе, но до сихъ поръ ни въ русской, ни въ западной наукѣ не имѣется такой монографіи о ней, которую можно было бы признать въ должной мѣрѣ исчерпывающей свой предметъ. Отсюда и главнѣйшая задача автора, взявшагося вновь за изслѣдованіе исторіи уніи, заключалась въ томъ, чтобы самостоятельно ознакомиться съ относящимися къ ней источниками и на основаніи ихъ провѣрить и пополнить труды своихъ предшественниковъ по изученію уніи. Такую задачу и намѣтилъ себѣ Смирновъ (стр. 7) и выполнилъ ее очень хорошимъ образомъ. Онъ собралъ и прочиталъ значительную литера-

туру по своему предмету, въ которую вошли сочиненія на новогреческомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и воспользовался всѣмъ, что можно было извлечь изъ нея. Еще лучше онъ ознакомился съ извѣстіями современниковъ и документами по исторіи уніи; прекрасное знаніе греческаго и латинскаго языковъ дало ему возможность читать ихъ въ подлинникѣ, и къ подлинному тексту онъ обращается даже тогда, когда безъ большихъ опасеній за свои выводы онъ могъ бы довѣриться существующимъ русскимъ переводамъ (напр. при пользованіи Пахимеромъ). Въ особенную же похвалу г. Смирнову должно быть поставлено то, что, не довольствуясь изданнымъ въ печати матеріаломъ, онъ догадался привлечь къ дѣлу нѣкоторыя греческія рукописи Синодальной Московской бібліотеки и при помощи ихъ внести въ исторію уніи новыя данныя, не бывшія ранѣе въ научномъ оборотѣ; между прочимъ, по этимъ рукописямъ онъ изучилъ и представилъ въ „возможно-полномъ переводѣ“ (376—397) одно слово Георгія Акрополита, очень важное для оцѣнки догматической точки зрѣнія на унію лучшей и наиболѣе безпристрастной партіи византійскихъ богослововъ.

Къ сожалѣнію, работая на такой солидной основѣ, г. Смирновъ не сумѣлъ оберечь себя отъ одного очень существеннаго недостатка. Увлекаясь новыми наблюденіями, почерпаемыми имъ изъ непосредственнаго знакомства съ источниками, онъ старается передать ихъ непременно словами источниковъ и потому наполняетъ свой трудъ длинными буквальными выдержками, въ общей суммѣ занимающими у него не менѣе трети всего сочиненія. Конечно, буквальныя выдержки изъ источниковъ составляютъ необходимую принадлежность каждаго серьезнаго историческаго изслѣдованія, но онѣ не должны переходить въ крайность и замѣнять собой рѣчь изслѣдователя. У Смирнова же это послѣднее явленіе наблюдается чаще, чѣмъ хотѣлось бы видѣть. Каждый документъ излагаетъ онъ *in extenso*, не различая въ немъ существеннаго историческаго содержанія отъ временныхъ и случайныхъ условностей (см. напр. 16—19; 67—68; 99—104; 146—151 и пр.); каждое обслѣдуемое имъ твореніе церковнаго писателя онъ передаетъ почти въ буквальномъ переводѣ, мало заботясь о систе-

матизаціи и уясненіи его положеній (напр. 297—323). Отсюда по мѣстамъ и его сочиненіе производитъ впечатлѣніе черновой работы, сборника сыраго матеріала. Къ тому же и переводъ, въ какомъ онъ приводитъ извлеченія изъ источниковъ, не вездѣ построенъ твердо и согласно съ правилами русскаго синтаксиса (см. 16—18; 67—68; 72, 122, 124 и др.). Съ другой стороны нѣкоторыя страницы своего сочиненія онъ почти цѣликомъ заполняетъ греческими и латинскими фразами, которымъ мѣсто подъ строкой, а не въ текстѣ сочиненія, составляемаго на русскомъ языкѣ (см. 274, 276, 286, 287).—Впрочемъ, всѣ эти недостатки относятся, какъ видимъ, къ внѣшней сторонѣ работы г. Смирнова и ни мало не касаются внутреннихъ достоинствъ ея содержанія. По нашему мнѣнію, они объясняются исключительно краткостью времени, находившагося въ распоряженія Смирнова.

Оцѣниваемое же въ общемъ, его сочиненіе безъ всякаго колебанія должно быть отнесено къ выдающимся кандидатскимъ диссертациямъ. Оно отличается несомнѣнною самостоятельностью и даетъ такую полную картину исторіи ліонской униіи за время царствованія Михаила, какую мы напрасно стали бы искать въ существующей литературѣ. Написано оно основательно, съ знаніемъ дѣла и увлеченіемъ; нѣкоторыя его страницы обработаны изящно (напр. 89 — 97; 141 сл.; 189 сл.) и читаются съ истиннымъ удовольствіемъ. Было бы очень жаль, если бы какія-либо внѣшнія обстоятельства не позволили автору подвергнуть свое сочиненіе дальнѣйшей обработкѣ и приготовить къ печати.

Для присужденія автору степени кандидата богословія оно вполне удовлетворительно“.

31. И. д. доцента Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Смирнова Сергѣя*: „Иудейская Археологія Іосифа Флавія“:

„Во введеніи къ своему сочиненію (стр. 1—9) авторъ обращаетъ вниманіе своего читателя прежде всего на чрезвычайную порчу сочиненій Іосифа Флавія вообще и „Иудейской Археологіи“ въ особенности и на проистекающія отсюда трудности для критическаго изслѣдованія этого произведенія. „Изслѣдователю Археологіи, говоритъ онъ, болѣе, чѣмъ какому-либо другому, необходимо принять за правило — не

придавать слишкомъ много значенія тѣмъ или ивымъ отдѣльнымъ мѣстамъ произведенія, не строить на основаніи ихъ общихъ выводовъ и заключеній, не убѣдившись предварительно въ подлинности и неповрежденности данныхъ мѣстъ“ (стр. 6). Подлинность же и неповрежденность, по мнѣнію автора, можетъ опредѣляться двоякимъ путемъ: 1) „Если рѣчь идетъ о выраженіи не-характерномъ, случайномъ и маловажномъ (гдѣ нѣтъ основаній предполагать тенденціозное искаженіе), то способъ доказательства его подлинности сводится къ чисто механическимъ и при томъ самымъ разнообразнымъ приемамъ“,—здѣсь разумѣется сличеніе рукописей, переводовъ даннаго произведенія, древнихъ цитатъ изъ него и т. п. 2) „Подлинность же выраженія въ какомъ-либо отношеніи характернаго и значительнаго,—на ряду съ механическими приемами,—доказывается еще согласіемъ его съ свойствами нравственной личности автора, съ общимъ духомъ и направленіемъ разбираемаго произведенія, — съ общей задачей и цѣлью послѣдняго. Скрыть отъ читателя этотъ общій духъ, общее направленіе не въ силахъ никакая, хотя-бы самая искусная, интерполяція“ (стр. 6—7). Но для изслѣдователя Археологіи, по словамъ автора, „примѣненіе второго изъ указанныхъ способовъ значительно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что составить себѣ ясное понятіе о нравственной личности Іосифа Флавія, прослѣдить отраженіе ея въ Археологіи, проникнуть въ общій духъ и характеръ послѣдней—задача далеко не легкая“ (стр. 8). Чтобы имѣть однако возможность пользоваться данными о личности Іосифа, какъ критическимъ приемомъ, онъ вслѣдъ за введеніемъ помѣщаетъ тоже имѣющую ввводный интересъ въ отношеніи къ его изслѣдованію главу: „Нравственная личность Іосифа и отраженіе ея въ его произведеніяхъ“ (стр. 9—45). Здѣсь, разобравъ противорѣчивыя сужденія объ Іосифѣ какъ его панегиристовъ, такъ и хулителей, и отмѣтивъ въ качествѣ основной черты его личности „неуравновѣшенность и нестойкость его нравственныхъ убѣжденій, раздвоенность его нравственнаго существа, бѣлой (?) нитью проходящую чрезъ всю богатую событіями жизнь его“ (стр. 26), авторъ въ заключеніе приходитъ къ такому взгляду на Іосифа: „Іосифъ не *φιλαλθης* въ строгомъ смыслѣ этого слова (вопреки его па-

негиристамъ), но онъ вовсе и не *fabulator* (вопреки писателямъ); быть *только* первымъ или *только* вторымъ уже не позволяла ему его натура, имѣющая сильную склонность и способность принаравливаться къ обстоятельствамъ, а такъ какъ эти обстоятельства требовали отъ Иосифа и истины и вымысловъ, то онъ и является предъ нами то какъ *γαλαθης*, то какъ *fabulator*“ (стр. 44—45). Вторая глава (45—65) содержитъ общія данныя объ Иудейской Археологіи, ея происхожденіи, содержаніи и источникахъ. Этой главѣ авторъ тоже придалъ характеръ предваряющихъ самое изслѣдованіе замѣчаній. И я полагаю, что ему-бы слѣдовало объ первыя главы не выдѣлять изъ общаго введенія. Центральный интересъ въ сочиненіи представляетъ и образуетъ главное научное содержаніе послѣдняго громадная третья глава, трактующая объ источникахъ Иосифовой Археологіи (стр. 65—292). Части этой главы слѣдовало бы назвать главами сочиненія, а вся она могла-бы образовать его первый отдѣлъ. Впрочемъ, эта неловкость плана не мѣшаетъ чтенію сочиненія и опредѣленности выносимаго изъ него впечатлѣнія. Существенное содержаніе этой главы самимъ авторомъ резюмируется въ слѣдующихъ десяти тезисахъ (стр. 293—4):

1) „Главнымъ источникомъ первой половины (кн. I—X) Археологіи служатъ каноническія писанія Ветхаго Завета. Именъ Иосифъ пользуется какъ по Еврейскому подлиннику, такъ и по Греческому переводу LXX.“

2) „Ветхозавѣтныя библейскія писанія обильно пополнялись въ Археологіи свѣдѣніями, заимствованными изъ преданія. Вліяніе галахи особенно замѣтно въ изложеніи Иосифомъ данныхъ отъ Моисея заповѣдей, вліяніе агады—въ разсказѣ о патриархахъ и Моисеѣ. Агадическій матеріалъ Иосифъ черпаетъ не только изъ преданія: по мѣстамъ замѣтны слѣды зависимости отъ писателей-эллинистовъ.“

3) „Въ качествѣ пополненія библейскихъ сказаній у Иосифа нерѣдко цитируются и языческіе писатели; чаще другихъ упоминаются—Берозъ, Менандръ, Геродотъ и Николай“.

4) „Конецъ священно-библейской исторіи Иосифъ излагаетъ по апокрифическимъ книгамъ: исторія Ездры по греческой неканонической (2) кн. Ездры; исторія Нееміи по недошедшему до насъ апокрифу, представлявшему собою конецъ